

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэт Кэнтрелл

УРОК БЕСПРОИГРЫШНОГО
СОБЛАЗНЕНИЯ

266

 HARLEQUIN®

Соблазн

Соблазн – Harlequin

Кэт Кэнтрелл

**Урок беспрониграшного
соблазнения**

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кэнтрелл К.

Урок беспрюирышногo соблазнeния / К. Кэнтрелл —
«Центрполиграф», 2016 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08135-3

В популярном телевизионном шоу доктор Данте Гейтс годами учил науке соблазнения, а теперь решил применить свои навыки на лучшей подруге, Харпер Ливингстон. Суть его учения проста: один поцелуй способен вызвать сумасшедшую страсть. Но в отношениях с Харпер все вышло не совсем так, как планировал Данте. К тому же вскоре он узнает, что она ждет малыша...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08135-3

© Кэнтрелл К., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кэт Кэнтрелл
Урок беспрюгрышного соблазнения
Роман

Kat Cantrell

The Pregnancy Project

The Pregnancy Project © 2016 by Kat Cantrell

«Урок беспрюгрышного соблазнения» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Решив посмеяться, судьба подкинула Данте Гейтсу непосильную химическую задачку. Докторская диссертация не помогала, исследования, которые он вел для телешоу «Наука соблазнения», ни на шаг не приблизили к ответу, и даже работа, доказавшая эффективность квантово-химических моделей белкового анализа и едва не принесшая ему Нобелевскую премию, ничего здесь не значила. И чем дальше, тем больше его расстраивал застой в общении с создавшей химическую дилемму доктором Харпер Ливингстон.

Их дружба длилась больше десяти лет, а сама она была тем эталоном, с которым он сравнивал всех женщин. Проще говоря, он тратил уйму времени и энергии, переживая из-за того, что не в силах отыскать ни одной, равной ей по красоте или интеллекту. Отношения с Харпер были единственной постоянной величиной в его жизни, единственной опорой, на которую он всегда мог рассчитывать. Он высоко ценил эту связь и ни за что не согласился бы ее нарушить.

В какой-то мере он даже подозревал, что химическая проблема вообще возникла лишь потому, что Харпер была вне зоны досягаемости. Если они попытаются вывести отношения на новый уровень, ничем хорошим это не закончится. Потому что стоит вкусить запретный плод – и он сразу же потеряет свою привлекательность.

Проблема же заключалась в том, что стоило только представить, как вкусен окажется персик, – и он уже просто не сможет остановиться.

Позвонив утром, Харпер сказала, что уже в аэропорту и к двум часам будет у него. А ведь она не навещала его целых три года с тех самых пор, как он перебрался в Лос-Анджелес. И теперь у него появилась отличная возможность решить мучившую его задачу.

Аэропорт, как всегда, оказался моделью хаоса в миниатюре, и загнать его сюда, когда он не собирался никуда лететь, не сумел бы никто, кроме Харпер. Посмотрев на часы, снабженные анемометром, что ему очень нравилось, хотя он и не ходил под парусом, Данте установил, что самолет Харпер приземлился десять минут назад, но пассажиров пока не было видно.

Когда же наконец хлынул поток людей с рюкзаками и чемоданами, Данте скрестил руки на груди и прислонился к ближайшему столбу, терпеливо дожидаясь единственной женщины, которая его интересовала.

Как и всегда, даже в самых людных местах огненно-рыжая шевелюра сразу выделяла Харпер из толпы. Да и ее осанку и манеру держаться ни с чем нельзя было спутать. Она не ведала страха и искренне считала, что сомневаются лишь неудачники и слабаки. И этот подход ему всегда нравился.

Стоило ей только заметить поджидавшего Данте, как ее лицо озарила широкая улыбка, вызвавшая неожиданный прилив жара. Но не успел он еще толком ничего обдумать, как она кинулась ему на шею, и он охотно прижал ее к себе.

– Привет, – шепнул он, глубоко вдыхая аромат рыжих волос и впитывая его едва ли не всем своим существом. Что странно. Потому что обычно запахи в лучшем случае напоминали о еде. О простом и естественном, но при этом совершенно необходимом. О чем-то таком, без чего невозможно выжить. Да и в любом случае аромат подруги должен быть приятен, а не будить желание зацеловать ее до потери чувств.

Собравшись с силами, Данте заставил себя не обращать внимания на горевший внутри жар. Было не просто, но годы тренировок прошли не зря.

Да и сама Харпер наконец-то отстранилась, и ему больше не нужно было переживать, что она почувствует, как он возбуждился.

– Что ты здесь делаешь?! – воскликнула она. – Меня так давно никто не встречал, что я уже успела забыть, насколько это приятно. Как ты пробрался через охрану без билета?

Данте усмехнулся:

– Очень просто. Я купил билет.

Он так часто летал ради шоу, что с легкостью мог поменять билет на любую дату, когда действительно захочет им воспользоваться. А даже если и не поменяет, что с того? Харпер стоит того, чтобы выкинуть ради нее пару сотен баксов.

Она схватила его за руку:

– Не нужно было, но все равно чертовски приятно. К тому же я думала, что у тебя сегодня съемки, и собиралась взять такси.

Разумеется, если бы приехал кто-то другой, а не она, он не задумываясь отправил бы за ним машину.

– Рано закончили. Ближайшие две недели я свободен и собираюсь провести эти дни с тобой. Ты выбрала отличное время, чтобы приехать.

В самый раз, чтобы выяснить, как избавиться от ненужного притяжения. Наверняка хватит одного поцелуя. И тогда, возможно, он освободится от наваждения. Да здравствует чистая дружба.

– А твоя девушка на твое время не претендует? Супермодель. Как ее зовут?

– Селена. Вообще-то мы уже не вместе.

Не успели они начать встречаться, как он сразу же потерял к ней интерес, но для карьеры было полезно засветиться на фотографиях с такой цыпочкой, да и секс не был ужасен, и Данте продержал ее подле себя куда дольше, чем следовало. Она была всего лишь очередной красоткой в бесконечной веренице ей подобных, как только в разговоре проскакивали слова вроде «рентгеновской кристаллографии» или «самосинтезирующихся материалов», ее взгляд делался пустым и неподвижным. Единственной женщиной, с которой можно было говорить обо всем и ни о чем, была Харпер.

– Плохо. Но, учитывая, что она явно не дотягивала до твоих стандартов, оно и к лучшему. Кстати, забыла сказать, Кэсс беременна.

– Здорово. – И он действительно так считал. Дети – это замечательно. Для других.

Харпер дружила с Кэсс с колледжа, а потом они вместе с Алекс и Тринити создали «Фира косметикс», где Харпер стала возглавлять научный отдел. И он искренне гордился подругой, сумевшей не только получить докторскую степень в аналитической химии, но применить свои знания и найти себе место под солнцем. Собственно, он знал всех четырех подруг больше десяти лет, но рыжая была ему ближе всех.

– Гейг на седьмом небе от счастья. – Харпер закатила глаза. – Для Кэсс он идеален, но я бы за подобное обращение пристрелила. – «Ты слишком много работаешь». «Я сам буду о тебе заботиться». И мое любимое «Пусть тебе и хочется чипсов, нужно есть овощи». Мужчины... Можно подумать, вы хоть что-то про беременность знаете.

У Данте как-то не получалось представить, как свободолюбивая Кэсс позволяет мужу с собой сюсюкать. Да и вообще, от всех этих разговоров о детях ему становилось как-то неудобно. В конце концов, если человек хочет ребенка, это еще не значит, что он будет хотеть его и через год. Кому, как не ему, знать такие житейские истины, когда он в детстве успел немало покочевать по чужим домам, пройдя через систему опеки?

Делясь новостями и обсуждая ее друзей и коллег, они, взявшись за руки и сплетя пальцы, пошли в зону выдачи багажа.

Непринужденное дружеское общение. Во всяком случае, наверняка именно так это и выглядело с ее стороны.

Сам же он с необычайной остротой ощущал ее присутствие, да еще и исходившее от нее сияние... Откуда оно вообще такое взялось? Раньше же его не было. Поправив очки в роговой оправе, Данте убедился, что это не обман зрения. Черт, ну почему она так красива именно сегодня?

При таком раскладе он вот-вот кинется к ней с поцелуем...

– Хорошо долетела?

Откинув рыжие кудряшки с лица, она кивнула:

– Неплохо. Но в автомате в аэропорту не было арахисовых батончиков «Риз», а ничего другого я не хотела, так что теперь буквально умираю с голоду.

– Пойдем. – Завернув в ближайший магазин, он купил целую упаковку ее любимых батончиков и эспрессо.

– Данте! Я хотела один, а ты купил двадцать. Смотри не преврати меня в корову.

Когда он расплачивался карточкой, продавщица мельком на нее взглянула и уставилась на Данте круглыми глазами:

– Доктор Гейтс! Обожаю ваше шоу, можно с вами сфотографироваться?

Разумеется, он согласился, и девушка торопливо вытащила смартфон. Фанаты были частью игры, и, пока продюсеры охотно вкладывали в «Науку соблазнения» миллионы долларов, он не собирался жаловаться. Но, по правде говоря, он ненавидел едва ли не все, связанное с шоу.

Глупо отрицать, что деньги более чем приятны, но как же он соскучился по настоящей науке... Той самой, что меняет людские представления об устройстве Вселенной и о самом человечестве. Помогая же очередному парню найти себе девчонку, он ничего не менял в этом мире, пусть и чертовски хорошо справлялся с работой. Наука долгие годы служила ему прибежищем и укрытием, но в погоне за сенсациями он утратил с ней связь.

Терпеливо перенося внимание продавщицы, потому что без фанатов он никто, так что не следует считать их любовь чем-то само собой разумеющимся, Данте ясно чувствовал удивление Харпер.

Дождавшись, пока продавщица успокоится, он наконец-то вручил Харпер ее вкусняшки.

– Извини.

– Шутить? – усмехнулась Харпер. – Это шикарно. Мне так редко удается полюбоваться тобой в роли доктора Секси, что ради такого зрелища я готова пожертвовать пятью минутами твоего внимания.

– Должен же я оправдывать свой девиз, – улыбнулся Данте.

Девиз гласил, что доктор Гейтс привнес в науку сексуальность. Этим слоганом пестрели журнальные обложки и реклама, но, скажи ему кто, что, согласившись вести шоу о том, как использовать науку, чтобы найти любовницу, он увидит свои фотографии на обложках журналов, ни за что бы в это не поверил. Разумеется, он должен был изображать эксперта в данной теме. И почему он только не догадался, что женщины захотят испробовать на нем его же теории...

Внимание льстило. Поначалу. В конце концов, он всего лишь человек. В полевых условиях его личные исследования женщин полностью оправдывали потраченное время, к тому же он не пытался себе врать и отлично понимал: то, что он остался без матери, которая бросила его, возбудило в нем стремление к длительным отношениям с женщиной. И в этом не было ничего плохого. Проблема заключалась в том, что ни одна, даже самая красивая и привлекательная женщина не могла затмить в его мозгу образ Харпер.

Потому что лишь ее одну он и не мог заполучить. Скорее всего.

– Дурачок, тебе не нужно щеголять в неглиже и мыльной пене, чтобы быть сексуальным, – усмехнулась подруга, когда они дошли до зоны выдачи багажа. – Мозг – вот что в тебе самое привлекательное.

Краем глаза заметив ее улыбку, Данте чуть не споткнулся. На замечании про доктора Секси он заострять внимание не стал, но это... Неужели она с ним флиртует?

Интересно. А высказывала ли она подобные замечания раньше? Может, он так старался сохранить их общение на дружеском уровне, что просто их не замечал?

В конце концов, она только что открыто признала, что считает его привлекательным. И это замечание порадовало его куда больше, чем ему самому бы того хотелось. Что, если она все время посылала ему сигналы и ждала от него первого шага? Да она же должна считать его слепцом! Так неужели она вообще сюда приехала лишь затем, чтобы поправить ему зрение?

С этими мыслями Данте уверенно повел подругу в самый темный и укромный уголок зала, пока все остальные толпились у ленты, дожидаясь появления чемоданов.

– На всякий случай должен напомнить, что ученые славятся отнюдь не кубиками пресса, – шепнул он, подавшись вперед. – Но после всех лет, что я горбился за столом, решая уравнения, наконец взял себя в руки и хорошенько попотел в спортзале, так что, если мне за деньги предложат снять рубашку, я не откажусь.

Интересно, от таких разговоров он один чувствует жар? Или она тоже?

Удивленно моргнув, Харпер непроизвольно облизнула губы.

Так, понятно, она тоже почувствовала.

Может, она тоже купилась на журнальные статьи? Не то чтобы он всерьез верил тому, что про него пишут... Хотя к чему скромничать? Женщины же действительно вешались на него пачками. Будем считать, что он опытным путем установил, что сочетание каштановых волос, очков в роговой оправе и подтянутого тела весьма эффективно воздействует на женское сознание.

Так чего же он медлит?

В конце концов, если он неправильно распознал ее сигналы, они просто посмеются и двинутся дальше. Он в очередной раз убедится, что это всего лишь здоровое притяжение к великолепной женщине, а электричество в воздухе и, как никогда, острое предвкушение живут лишь в его голове.

Пристально глядя Харпер в глаза, он медленно протянул руку и кончиком пальца очертил ее скулу. Совсем не по-дружески и весьма недвусмысленно.

– Что ты делаешь? – выдохнула она, нахмурившись. – Это... я хочу сказать... мы не...

– И тебе никогда не было любопытно? Как бы у нас с тобой было?

– Как бы было? Что было?

Итак, огромные глаза внезапно расширились, ясно говоря, что до нее дошло, что он имеет в виду.

Еще не поздно все переиграть, но внезапно представившаяся возможность резко усилила желание.

– Вот мне, например, любопытно. Очень любопытно. – Харпер не пыталась ни бежать, ни отстраняться, и он продолжил наступление: – Но раньше не было возможности проверить это на практике.

Стараясь не думать о том, что не стоит этого делать, Данте запустил пальцы в рыжие кудряшки и слегка запрокинул Харпер голову, а затем медленно, чтобы успеть прочувствовать каждую секунду, которую потом станет во всех подробностях вспоминать, наклонился и поцеловал в мягкие губы.

И между ними мгновенно вспыхнул огонь, кровь забурлила в жилах, и Данте понял, что совершил огромную ошибку. Потому что одним поцелуем он не только не утолил жажду, но усилил ее многократно.

* * *

Данте ее целовал.

От удивления Харпер приоткрыла губы, и Данте явно счел это приглашением, пустив в дело язык и... боже мой! На нее обрушился такой водопад чувств и ощущений, что, чтобы не упасть, ей пришлось вцепиться ему в плечи, вместо того чтобы оттолкнуть. Потому что она

таким не занималась. Ни с Данте, ни с кем-либо другим. Но все оказалось настолько внезапным и потрясающим, что она просто не сумела его оттолкнуть.

В ее теле возникли совершенно восхитительные, но при этом неожиданные и непрошенные желания. И при этом ей хотелось продолжения. Что странно. Потому что обычно она избегала подобных контактов.

Данте по-прежнему продолжал ее целовать, и Харпер не оставалось ничего иного, кроме как поражаться неожиданному отклику собственного тела, пока ее руки как бы сами собой скользнули с крепких плеч на мускулистую спину, а затем опустились чуть ниже, вырвав хриплый мужской рык из широкой груди, что вызвало волнующую дрожь в ее теле. И только тогда она осознала, что они крепко прижимаются друг к другу.

Его грудь крепко прижата к ее груди, он ее целует, а она ему отвечает. В аэропорту. Черт! Это же неправильно. Что она творит?

Харпер резко поддалась назад, и Данте сперва последовал за ней, но быстро отстранился, осознав, что она пытается разорвать объятия. Чувствуя, как дрожат колени, Харпер прислонилась к стене и посмотрела на мужчину, что больше десяти лет был ее лучшим другом.

– Извини.

Он пристально всматривался в нее огромными карими глазами из-под слегка съехавших очков в роговой оправе. Машинально подняв руку, чтобы, как всегда, поправить ему очки, она резко себя одернула и опустила руку.

– За что? Это я тебя поцеловал.

Точно. Но зачем?

Правда, лучше бы она спросила себя, зачем стала ему отвечать. И почему в процессе она совсем не испытывала неловкости. А даже наоборот. Она чувствовала себя так, словно ее тело скрутили узлом и окунули в извергающийся вулкан. И почему из всех мужчин этого мира именно Данте сумел разбудить в ней сексуальное желание?

Хотя к чему притворяться? Она же отлично знает почему. Вот только как объяснить, что слишком сильно отреагировала из-за переполнявших ее тело гормонов, с которыми она просто не в состоянии была справиться? Что прилетела сюда лишь затем, чтобы рассказать лучшему другу, что в ее жизни случилось нечто потрясающее?

Только почему-то она не могла представить, как в ответ на поцелуй мужчины, у которого собиралась искать поддержки, скажет о своей беременности.

– А я тебя не остановила.

– Верно.

Он не стал уточнять почему, и тогда Харпер заговорила сама:

– Мне было... любопытно. Только не пойми меня неправильно.

Но она и так видела, что он уже все неправильно понял. Потому что, в отличие от нее самой, у него опыта было более чем достаточно и он отлично видел, как ей понравились его ласки. Что странно. Потому что она уже давным-давно ни с кем не целовалась, а поцелуи из ее прошлого относились к тому опыту, который хотелось сразу забыть и никогда больше не повторять.

Этот же поцелуй... Он прямо-таки воплощал в себе подростковые мечты и романтические сказки в одном флаконе. Потому что тело доктора Харпер Ливингстон отреагировало на зачатие тем, что внезапно возмечтало о мужских ласках. Здорово. И что ей теперь делать? Попросить, чтобы Данте снова ее поцеловал?

– Как я могу понять что-то неправильно?

Если она прямо сейчас все не исправит, лишится чего-то очень важного.

– Это не должно повториться. Данте, ты мне очень нужен. Как друг. Пожалуйста, не надо ничего менять.

Она прыгнула в самолет не только потому, что утром получила четвертый положительный результат теста на беременность, но и потому, что ее карьера целиком и полностью зависела от того, станет ли «Фира» развивать проект, требующий специального разрешения Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов. О чем бы она предпочла узнать до того, как отправилась в клинику на искусственное оплодотворение.

Застыв на краю личной и профессиональной катастрофы, она бросилась к единственному человеку, на поддержку которого всегда могла рассчитывать... лишь для того, чтобы столкнуться с чем-то, с чем вообще никогда не имела дела.

– Харпер, я хотел тебя поцеловать. Ты же и сама наверняка понимаешь, что между нами происходит нечто новое и...

– Нет! – Легкие так сдавило, а по щеке покатились непонятно откуда взявшаяся слеза. – Мне нужно, чтобы все оставалось именно так, как было. Ты невероятно важен для меня. Как друг.

На дружескую поддержку можно рассчитывать в любой ситуации, и сейчас эта поддержка ей жизненно необходима. Последние десять лет она твердо знала, что всегда может полностью положиться на Данте. До этого самого дня. Но она так охотно ответила на его внезапный поцелуй, что он все не так понял.

Прищурившись, Данте все еще продолжал ее разглядывать, и она отлично знала этот его взгляд. Он собирался начать спорить, но сейчас она не могла позволить себе такой роскоши.

Заставив себя улыбнуться, она привычным жестом притронулась к мускулистой руке.

– Давай сейчас не будем об этом. Заберешь мои сумки?

Джентльмен до мозга костей, Данте с явной неохотой выполнил ее просьбу и, выведя из аэропорта, усадил в красный «феррари» и в давящей неловкой тишине повез к дому на Голливудских холмах. Едва обращая внимание на проносившийся за окном Лос-Анджелес, Харпер старательно думала, что сказать, чтобы вновь вернуть все на свои места.

Все так же в полном молчании Данте припарковал машину перед роскошной испанской виллой, отнес ее сумки в дом, бросил их на покрытый мексиканской плиткой пол и лишь тогда заговорил:

– Мы дружим много лет, почему это должно измениться оттого, что мы исследуем, что еще может у нас сработать?

– Потому что я не хочу ничего такого исследовать. И вообще, все это меня пугает.

Как она может разобраться с «Фирой», беременностью, рождением ребенка и следующими восемнадцатью годами, что станет его воспитывать, если у нее не будет той дружбы, что служила ей постоянной опорой последние десять лет?

– Иди сюда.

Прежде чем она успела хоть как-то отреагировать, Данте сгреб ее в охапку и прижал к себе в крепких дружеских объятиях, вот только теперь даже эти объятия стали восприниматься ею совершенно иначе.

От прикосновения мужской груди она почувствовала дрожь во всем теле, и возмутилась – она не должна так на него реагировать. Резко отстранившись, она чуть не заплакала оттого, что все вдруг так резко изменилось.

В карих глазах ясно вспыхнула обида.

– Так мне теперь тебя даже обнять нельзя?

– Можно, только сперва сбрось десяток килограммов мышц, – выдохнула она, прежде чем успела понять, как это звучит. – Хочу, чтобы все было как прежде, то есть до того, как ты превратился в доктора Секси.

Черт, ну почему именно сегодня с нею случился приступ целомудрия? Он ведь уже давно стал доктором Секси, только сама она совсем недавно начала это замечать.

– А я думал, тебе нравится мой образ.

В том-то и проблема.

Данте был одним из тех немногих ее друзей, что шли с ней по жизни и при этом совсем не менялись. Во всяком случае, ей так раньше казалось. Она не просто сходилась с людьми, а Кэсс и Алекс, вместе с которыми она создала «Фира косметикс», вышли за прекрасных мужчин, и семья стала для них главным. Разумеется, она искренне радовалась за подруг, но при этом чувствовала себя... немного брошенной.

И поэтому решила завести ребенка. Но без мужа, который стал бы от нее требовать того, что она все равно не смогла бы ему дать. Близости, контроля, вечной романтической любви, что сводится лишь к коротким химическим реакциям в мозге и по определению не может быть вечной...

Почему только мужчины так любят все усложнять?

– Данте, сколько, по-твоему, у меня друзей? Четверо. Можно пересчитать по пальцам одной руки. Кэсс, Алекс, Тринити и ты. А теперь вспомни, что двое из них недавно вышли замуж и с головой ушли в семью. Вокруг меня все меняется, и я ничего не могу с этим поделать. Мне жизненно необходимо, чтобы хотя бы с тобой все оставалось по-прежнему.

Потому что сама она тоже совершила поступок, раз и навсегда изменивший ее жизнь. Она ждет ребенка. И поэтому хотя бы Данте должен остаться неизменным.

– Тебя пугают перемены?

– Именно это я и сказала.

Вместо того чтобы отстраниться, Данте взял ее руки в свои, удерживая на месте.

– Сказала, просто мне потребовалось немного времени, чтобы это осознать. Значит, ты не против, чтобы я тебя целовал, ты просто боишься потерять наши отношения. Но и я их терять не хочу.

Он по-прежнему не сводил с нее своих глаз цвета горячего шоколада, вот только ей совсем не нравилось, что он смотрел на нее так, словно в ней заключены все секреты его мироздания. Только он и раньше так смотрел, а она списывала это на дружескую привязанность... Но теперь он сам все изменил, и она просто не могла не думать, как его губы прижимались к ее губам в совсем не дружеском поцелуе.

– Ты весьма избирательно услышал мои слова. – Покачав головой, она попыталась отстраниться, чтобы спокойно вдохнуть, поднять сумки и... И как-нибудь все исправить. – Я против того, чтобы ты меня целовал. И всего, что к этому прилагается. Или следует за этим.

– Всего? – прошептал Данте, и Харпер вдруг осознала, что он все еще держит ее в своих руках. – Ты про секс?

Карие глаза полыхнули огнем, что мгновенно нашел отклик в ее собственном теле.

– Да. – Она крепко зажмурилась. – То есть нет. Никакого секса. Черт, да что это вообще за разговор? Я приехала в гости к другу. С чего мы вообще заговорили о сексе?

– Ты первая начала. – Можно подумать, она и сама этого не знает. – Я всего лишь уточнил.

– Секс вообще не должен был всплыть в этом разговоре.

– А что, если я не прочь о нем поговорить? – Легонько погладив ее по рукам, его пальцы перебрались на ее плечи. – Ты тоже весьма избирательно слышишь мои слова, если до сих пор не поняла, что я пытаюсь тебе сказать.

С отчаянием вглядываясь в привычные очки в роговой оправе и взъерошенные каштановые волосы, Харпер мечтала вернуться в то время, когда их отношения не вызвали у нее ни малейших сомнений.

– И что же ты пытаешься мне сказать?

– Наша дружба для меня важнее всего. И именно поэтому я и пытаюсь ее спасти. Я тебя поцеловал, и этого уже ничто не изменит. Но между нами есть нечто, что не исчезнет, пока мы это не исследуем. Харпер... Поцелуй меня. Считай, что это эксперимент. Давай проверим, как далеко все уже зашло, чтобы понять, что нам с этим делать.

Она вновь крепко зажмурилась.

– Ты специально бросаешь мне вызов?

– Скажи «нет», и я отступлюсь.

– Нет.

Крепкие пальцы мгновенно отпустили ее плечи, а сам он отстранился.

– Могу я хотя бы узнать, почему ты так против? На случай, если я...

– Данте, я беременна. – Она уже не знала, смеяться ей или плакать. – И это лишь одна из многих причин, почему я против.

Глава 2

Данте едва не открыл рот от удивления.

– Ты что? – выдохнул он, все еще не в силах осознать сказанное.

– Беременна.

– Ребенком?

– Ученые еще не сумели удачно скрестить ДНК человека с другими видами, так что да, я жду ребенка. Я не хотела говорить это так, но ты сам не оставил мне выбора.

Протянув руку, Данте нашарил ближайшую твердую поверхность, на которую и уселся. Что с того, что на столах не принято сидеть? На ногах он в любом случае устоять не сумел бы.

– Ничего не понимаю. Разве у тебя кто-то есть?

Быть того не может. Слишком уж охотно она для этого отвечала на его прикосновения, да и потом, они же были так близки, неужели она даже словом не упомянула бы, что в ее жизни появился мужчина? Данте задумался. Собственно говоря, когда она последний раз рассказывала что-то о своих отношениях с парнями, это было еще в колледже.

– Нет. Искусственное оплодотворение.

– Но зачем?

Ребенку нужна семья. Нужен отец. А она целенаправленно решила стать матерью-одиночкой. Это непростительно.

Явно прочитав его чувства по выражению лица, Харпер буквально заледенела.

– Не хочу ни с кем делить родительские обязанности, так что донор, официально отказавшийся от всякой ответственности, был идеален.

Чем дальше, тем лучше. Точнее, хуже. Данте невесело рассмеялся:

– Обычно люди сперва заводят себе постоянного партнера, а уже потом решают завести детей. Потому что влюблены и хотят вместе создать семью. Ты об этом вообще думала?

– Разумеется. – Она тряхнула рыжей головой. – Но романтические отношения лишь все усложняют.

– Ребенку нужно мужское влияние. И это не только мое мнение. Множество исследований доказало, что...

– Я в курсе! – нависнув над ним, едва не рявкнула Харпер. – Почему я, по-твоему, сказала, что ты мне необходим? Почему вообще приехала? Я хочу, чтобы ты и был этим мужским влиянием, дубина ты здоровенная. По глупости я решила, что наша дружба так сильна, что выдержит и ребенка, а ты полез ко мне с поцелуями.

Данте не оставалось ничего, кроме как удивленно моргнуть.

– А ты не подумала, что сперва стоило меня спросить, а потом уже беременеть?

Подумала, но он наверняка сумел бы ее отговорить.

– Это моя жизнь и мое тело, – объявила Харпер, но выглядела при этом весьма виновато.

Неужели она не понимала, как он отреагирует? Она же знала его историю и отношение к детям. И все равно на это пошла.

– Ты же знаешь, что доноры далеко не всегда честно заполняют опросники. Ты просто не можешь знать, что за гены унаследует твой ребенок.

Он указал подбородком на живот Харпер, который внезапно стал священным местом, совершенно не доступным для тех ласк, о которых он мечтал всего пару минут назад.

А ведь он действительно прикидывал, как вновь заполучить ее в свои объятия и продолжить прерванный поцелуй... Потому что как ему иначе избавиться от сводящего с ума притяжения? Тем более что те крохи, что ему достались, лишь разожгли аппетит... Да и ей самой, что бы она там ни говорила, явно понравилось.

В конце концов, эксперт он в этих вопросах или нет? Она хочет его ничуть не меньше, чем он ее.

Она покачала головой:

– Поэтому донор не был анонимным. Прежде чем решиться, я хорошо изучила вопрос и тщательно выбрала отца. Доктор Кардоза идеален.

– Доктор Кардоза? Доктор Томас Кардоза – отец твоего ребенка? – Видя перед глазами красные круги, Данте с трудом сдержался, чтобы не врезать по стене кулаком.

– Он известный химик, – зачем-то пояснила Харпер, словно он не знал о его вкладе в науку.

– Я в курсе, – каким-то чудом сумел выдохнуть Данте сквозь стиснутые зубы. – Если помнишь, именно из-за него мне и не досталась Нобелевская премия.

– Ну да. Но это же было так давно, наверняка ты уже с этим свыкся, тем более что ты все равно сменил поле деятельности.

Не выдержав, Данте рассмеялся. Из всех людей в мире она выбрала отцом своего ребенка именно Кардозу. самого никчемного образчика человечества, по сравнению с которым даже его собственные родители казались вполне приличными, кем бы уж они там ни были на самом деле.

Нет, ни с чем он не свыкся. Именно из-за Кардозы ему и пришлось заняться ТВ-шоу. Но если бы он не подтасовал результаты и не сжульничал с методологией, не видать бы тому никогда Нобелевки, а у самого Данте хотя бы была возможность. После же победы Кардозы какой-либо интерес к исследованиям Данте пропал, и его лишили лаборатории и финансирования.

И тогда, за отсутствием каких-либо перспектив, и родилась «Наука соблазнения», принесшая ему такие деньги, о которых он никогда не смел и мечтать. Но девятизначный счет в банке никоим образом не компенсировал отобранные у него научные стремления и цели.

– Так, чисто из любопытства, – начал он, убедившись, что сумеет справиться с голосом, – почему ты выбрала именно Кардозу?

Из всех придурков этого мира?

– Я недавно встретила Томаса на конференции. Помнишь, я рассказывала тебе про конференцию в Сент-Луисе? Он прочитал там доклад, и мне понравились его выводы, а потом я встретила его в холле гостиницы, представилась, и мы немного поговорили.

– Успела с ним подружиться? – Он с трудом сдержал усмешку – зовет его Томасом, словно старого друга.

– Конечно, он отличный человек. И именно из-за его генов я им в первую очередь и заинтересовалась.

– Он на тебя запал.

– Что? Нет. Ну может, немножко, если учесть, что он предложил сделать мне ребенка старомодным путем.

Данте устало потер лоб:

– Черт, прошу тебя, скажи, что ты отказалась!

– Разумеется, меня не интересуют такие отношения ни с одним мужчиной.

Облегчение оказалось столь сильным, что у Данте чуть звездочки перед глазами не закружились. При одной мысли, что Кардоза мог наложить свои грязные лапы на Харпер... Он судорожно слотнул.

Будь на месте Харпер кто угодно другой, он спросил, не пытается ли она сказать, что предпочитает женщин. Но он же чувствовал, как она отреагировала на его собственные прикосновения.

Никаких сомнений быть не может. С ориентацией у нее все в порядке.

– Ты хотела сказать: ни с одним мужчиной, кроме меня.

– Нет, с тобой они меня тоже не интересуют. Неужели ты совсем меня не слушал?

«Слушал и не упустил ни единого слова».

– Ты заинтересована. Так заинтересована, что ничего не можешь с собой поделаться.

Она прильнула к нему, когда он ее поцеловал, охотно ответила на его ласки, сплетая язык с его...

Еще как заинтересована. Только это ей настолько не нравится, что простой поцелуй побудил ее к целой волне маленьких признаний.

Беременна. Сложно было придумать что-нибудь такое, что сильнее сбilo бы его настрой.

– А я и не знала, что твое эго успело так разрастись.

– Ври себе сколько хочешь, – усмехнулся Данте, – но даже не пытайся обманывать меня.

Когда мои губы прижимались к твоим, я отлично уловил интерес.

От одного воспоминания о том поцелуе его сразу бросило в жар. И отвечала она так охотно и самозабвенно, что едва не выскочила из платья.

Сомнений быть не может, притяжение взаимно, независимо от того, нравится ей это или нет.

Харпер слегка покраснела:

– Это всего лишь гормоны.

– Точно, – усмехнулся Данте. – Как всегда, во всем виноваты гормоны, или ты уже позабыла все, чему тебя учили в колледже?

Харпер неожиданно села на диван, спрятала лицо в ладонях, а ее плечи задрожали. И от его плохого настроения разом не осталось ни следа, сменившись заботой о действительно важной для него женщине.

Устроившись рядом с ней на диване, он молча привлек ее к себе. Да и что было говорить? Он и так уже испортил грандиозное признание, к которому сам же и принудил, выгнав ее из зоны комфорта.

И к его удивлению, она не просто не попыталась отстраниться, но и расслабилась в его руках, и все вдруг стало почти нормальным. Ну а не реагировать на аромат ее волос он и так давно научился. Тем более сейчас, когда подруга так недвусмысленно просила его о дружеской поддержке.

– Извини, – шепнул он в рыжие волосы. – Просто не понимаю. Почему ребенок? Да еще через искусственное оплодотворение.

– Я же говорила, – выдохнула она ему в грудь. – Романтика – это не мое. Да и все эти химические реакции, что большинство принимают за любовь... И что им остается, когда химии приходит конец? Мой вариант гораздо проще.

Мгновенно придумав десяток возражений, основанных на бесконечных исследованиях, Данте заставил себя прикусить язык. Сейчас ее не интересует ни его профессиональное, ни личное мнение. Тем более что все уже сделано и пути назад нет.

– Ладно, в любом случае поздравляю. – И хватит об этом. Не вспоминать же сейчас о том взгляде на отношения детей и родителей, что сформировала ему система опеки. И о всевозможных способах, коими родители способны превратить твою жизнь в ад. – Ладно, чисто для справки, все эти химические реакции порой не так уж и плохи. Особенно их физические проявления.

– Да мне-то откуда это знать? – выдохнула она еле слышно.

До него не сразу дошло, что она говорит не просто о любви.

– Ты до сих пор девственница?

Кусочки мозаики с щелчком встали на место. Однажды, еще в колледже, она призналась ему в невинности, но он почему-то считал, что с тех пор многое изменилось. Но ведь она тогда наверняка поделилась бы с ним! Ну как можно быть таким идиотом?

Харпер мгновенно заледенела:

– Я была занята диссертацией и созданием «Фира косметикс». Где мне было взять время еще и на это?

Запрокинув голову, Данте уставился в потолок. Кто здесь у нас доктор соблазнения? Да как он сумел упустить нечто настолько важное?

Харпер боялась того, что он заставлял ее чувствовать. Рядом с ним эта обычно бесстрашная женщина сжималась от ужаса лишь потому, что никто не научил ее той радости, что приносит связь мужчины с женщиной. Было бы смешно, если бы не было так грустно.

Но в чем-то это даже хорошо. Его решимость разом окрепла, ведь ему выпала потрясающая возможность стать ее первым мужчиной. А заодно хоть в чем-то утереть нос Кардозе. Они с Харпер сожгут витающее между ними притяжение, чтобы вновь стать лучшими друзьями, и все останутся в выигрыше.

– Это ничего не меняет, – начала она защищаться. – Я все равно беременна и нуждаюсь в поддержке, независимо от твоего мнения о выбранном мной доноре и о том способе, каким я забеременела. Одна я не справлюсь. Могу я рассчитывать на твою дружбу и поддержку?

Данте вдруг осознал всю серьезность положения. Лучшая подруга беременна от злейшего соперника, а сам он может думать лишь об взывавшем тестостероне.

Что ж, похоже, она достаточно хорошо его знала, чтобы понимать, что, как бы он ни относился к воспитанию детей, один раз сказав, что поддержит ее, он уже не сумеет отступить. Потому что никогда не нарушал данного слова.

– Разумеется, ты можешь полностью на меня рассчитывать.

Но это еще не значит, что он не станет обращать внимание на царившее между ними притяжение. Тем более что вместо того, чтобы его отпугнуть, она сама, того не подозревая, бросила ему вызов, на который он просто не мог не ответить. Несмотря ни на что, он все еще ее хочет, а возможно, благодаря внезапному признанию даже больше, чем раньше.

Сомнений быть не может. Он просто обязан ее соблазнить, а заодно и проверить, верны ли те теории, что он так настойчиво пропагандирует в своем шоу. Даже по отношению к женщине, у которой никогда не было любовника. Даже к подруге. Даже к беременной подруге. В конце концов, эксперт он или нет?

Что ж, у него есть целых две недели, чтобы это проверить.

Вилла на Голливудских холмах была бесподобна. Экономка показала ей комнату для гостей, кухню, столовую, террасу, огромный многоярусный бассейн...

Что ж, похоже, доктор Гейтс неплохо потрудился, обустривая себе гнездышко.

Распахнув двери в прекрасно обставленную комнату с огромной кроватью и телевизором в полстены, экономка улыбнулась.

– Ванная там. – Она указала на дверь. – Если вам что-нибудь понадобится, сразу же говорите. Меня зовут миссис Ортиз, а моя дочь, Анна София, исполняет обязанности повара. Мы всегда будем рады вам помочь. Живем мы в отдельном домике на территории поместья. Хуан, мой муж, заботится о саде.

– Хорошо. – У Данте есть слуги. И не один, а несколько. Слышали ли они их разговор в холле? Зажмурившись, она глубоко вдохнула. Ладно, сделанного не исправишь, но Данте вполне мог бы предупредить, что они не одни, когда она начала признаваться в чем-то настолько личном. – Спасибо. – В конце концов, эта милая женщина не виновата, что ее хозяин повел себя по-свински.

Попрощавшись, миссис Ортиз закрыла за собой дверь, а Харпер принялась распаковывать вещи, но так и не сумела успокоиться.

После неудачного поцелуя, повлекшего за собой ее внезапное признание, Данте решил дать им обоим немного времени, чтобы прийти в себя. Или ей одной нужно это время?

До того как она села в самолет, отношения с Данте были вполне разумными, а ее собственные чувства к нему простыми и ясными, в отличие от тех, что неизбежно возникли бы при романтических отношениях. И именно поэтому она никогда и не стремилась вступать в такие отношения ни с одним мужчиной, а уж тем более с кем-то, кто настолько ей нравился, как Данте. Дружба была куда симпатичнее.

Пока Данте не перевернул все с ног на голову одним поцелуем.

А как бы хотелось, чтобы все вновь стало по-старому и она могла заново во всем ему признаться...

Потому что она отчаянно в нем нуждалась.

А беременность и так сводила ее с ума.

Харпер боялась, что сделала неверный шаг, боялась, что выбрала неудачное время, потому что именно сейчас ее карьера повисла на волоске, боялась, что могла ненароком нарушить какой-то закон, не так выбрав донора. Никогда еще в жизни она не принимала такого важного решения, и никогда еще ни одно решение не давалось ей так тяжело, и сейчас ей хотелось забраться под одеяло, и чтобы рядом сидел Данте, гладил по голове и говорил, что все будет хорошо.

Но все с самого начала пошло не так. Она хотела, чтобы беременность стала полным счастьем и радости опытом, опытом, который поможет возродить ей связь с Алекс и Кэсс, одна из которых недавно родила ребенка, а вторая еще носила его под сердцем, ну и, разумеется, она ждала, что и отношения с Данте станут еще крепче, потому что он просто обязан стать любимым... дядюшкой ее малыша.

Во всяком случае, именно на это она и надеялась.

Но его выражение, когда она сказала, что беременна... Ни за что на свете она не хотела бы вновь увидеть такое выражение, но как назло оно так и стояло у нее перед глазами. А еще она так и не сумела толком понять, был ли он недоволен потому, что она с ним не посоветовалась, или потому, что так и не сумел до конца пережить, что Нобелевская премия досталась другому. Или дело и в том и в другом?

А что, если, несмотря на данное слово, он передумает и не захочет иметь ничего общего с ее ребенком? Она же этого не вынесет!

Черт, да куда делись ее обычный здравый смысл и логика?! Неужели достаточно добавить к уравнению ребенка, чтобы от них не осталось и следа?

Вздыхнув, Харпер сменила костюм на полосатый сарафан, что купила с дальним прицелом, ведь ее талия скоро начнет расплываться. Правда, покупка была слегка преждевременной, учитывая, что подтверждение она получила лишь сегодня утром.

Так, ладно, нужно взять себя в руки.

Проанализировать данные, четко обозначить проблему и приступить к решению.

Их отношения с Данте останутся прежними, или она умрет, пытаясь сделать их таковыми. Но как бы там ни было, она не позволит встать между ними ни ребенку, ни поцелую. Только не сейчас, когда вокруг и так слишком много всего, что она не в силах контролировать.

Решившись, она уверенно направилась на кухню в поисках Данте и горячего чая.

И не обязательно в таком порядке.

Но первым ей попался все же Данте, сразу поднявший на нее глаза цвета горячего шоколада.

Черт, если он и на других женщин смотрит так же, ничего удивительного, что они на все готовы, лишь бы завладеть его вниманием.

Эта мысль внезапно оказалась неприятной. А как он в действительности смотрит на других женщин? С такой же смесью заботы и нежности? Только ей-то какое до этого дело? Данте – ее друг и может смотреть на других так, как ему заблагорассудится.

На других, но не на нее.

– Я как раз собирался заварить чаю, – объявил он так, словно ничего не случилось.

А ведь в действительности ничего и не случилось, и все осталось по-прежнему. Ну поцеловал он ее, поддавшись внезапному порыву, решив, что между ними витает какое-то притяжение, она же ему доступно объяснила, что это не так. Инцидент исчерпан.

– Отлично.

Чай был их общей страстью. Появляясь в Далласе, Данте всегда приносил пачку ее любимого японского зеленого чая «Гиокуро» из чайного магазинчика в аэропорту, который они традиционно пили на балконе ее квартиры с видом на парк. Больше всего она любила этот ритуал за простоту и непринужденность сопровождавших чаепитие разговоров, но и от одного аромата любимого чая у нее сразу же начинали течь слюнки.

Вручив Харпер заварочник, Данте указал на контейнер с иероглифами.

– Я вскипячу воду, а ты займись заваркой.

Уловив привычный запах, она сразу же почувствовала облегчение. В конце концов, может, вся неловкость была лишь у нее в голове? И если она станет вести себя, словно все в порядке, – именно так все и будет?

Совместно приготовив чай, они взяли чашки и уселись на диванчике у окна.

– Отличный дом, – заметила Харпер. – Почему мне потребовалось столько времени, чтобы сюда добраться?

– Отличный вопрос. И каков же будет на него ответ?

– Работа. В последнее время дела в «Фире» не ладятся, а Кэсс с Алекс слишком заняты семьями, и вся нагрузка легла на нас с Тринити.

Только, несмотря ни на какие дела, сам Данте всегда находил время, чтобы ее навестить. Правда, раньше она всегда списывала это на то, что он и так постоянно в разъездах, а аэропорт Далласа был крупным международным пересадочным пунктом.

Но теперь она вдруг осознала, что это... неправильно.

– А почему сейчас приехала? – спросил он тихо, предоставляя ей возможность наконец-то высказаться.

– Утром я сделала первый тест на беременность, – начала она, стараясь не думать о неловкости темы. Потому что, что бы он ни сказал, она до сих пор чувствовала, что в комнате притаился огромный слон, с которым им еще только предстоит разобраться. – А потом еще три.

Данте внезапно улыбнулся:

– Точно с четырьмя тестами больше шансов получить надежный результат.

– Как же хорошо ты меня знаешь, – улыбнулась она в ответ, но, увидев, как он напрягся, сразу же пожалела о своих словах.

– И надеюсь узнать еще лучше. Что ты почувствовала, когда увидела положительный результат?

Сколько же всего на нее тогда накатило... Разве можно такое объяснить? Да еще и мужчине?

– Благоговейный страх, радость, удовлетворение.

Раз получилось с первого раза, значит, она выбрала правильного донора. Да и что в этом удивительного? Она провела обширное исследование в области генетики и законодательства, и Томас Кардоза оказался идеальным кандидатом. Две докторские степени, впечатляющие испанские корни, смуглая кожа, что избавит малыша от необходимости без конца мазаться кремом от загара, как приходится его матери-ирландке... Томас согласился стать полноценным донором и помимо всего прочего подписал отказ от родительских прав.

Но почему-то она даже не сомневалась, что Данте эти подробности совсем не обрадуют.

– Ненавижу, – выдохнула она резко. – Такое чувство, словно я крадусь по битой скорлупе и вынуждена каждую секунду тщательно подбирать слова, чтобы мы вновь не поссорились.

Данте слегка склонил голову набок.

– Вновь не поссорились? Но мы же не ссоримся, верно?

– Ну, сейчас нет. Но когда я сказала, что беременна, мы именно что поссорились.

А разве нет? Он же был так зол и разочарован.

– Мы разговаривали. – Отставив чашку, он взял ее за руку и посмотрел ей прямо в глаза. –

Говорили о том, что происходит в твоей жизни. Наверное, я повел себя не слишком красиво, но уж очень ты меня удивила. Но как бы там ни было, ты очень много для меня значишь, и я хочу знать о тебе как можно больше. Не нужно ничего от меня скрывать.

Буквально чувствуя, как через держащую ее руку в нее вливается тепло, Харпер вновь сумела разглядеть в Данте того мужчину, которого любила вот уже десять лет. А потом он улыбнулся, и это тепло заполнило ей грудь, а все вдруг вновь стало таким правильным и привычным, что она чуть не заплакала.

Вот только она сама все изменила, и пришла пора столкнуться со своим самым главным страхом. Страхом того, что, забеременев, она раз и навсегда изменила их отношения. Потому что всю жизнь они с Данте шутили друг с другом и шутки эти были из области химии, и обсуждали квантовую механику, а не подгузники и грудное вскармливание.

– Тогда давай попробуем еще раз. Данте, я беременна.

Густые брови взметнулись вверх, старательно изображая удивление.

– Отличные новости. Поздравляю. Жду не дожусь, когда твоя крошечная копия станет плескаться у меня в бассейне.

Это добродушное заявление успокоило ее, и она наконец-то осознала, что все происходящее действительно реально.

У нее в животе растет новая жизнь. Ребенок. Дитя, которое будет принадлежать ей, и только ей, и которое с самого рождения с головой окунется в мир науки. Она даст малышу лучшее образование и станет для него центром мира.

На нее вдруг накатила паника.

Ребенок. Крошечное существо, которое не может выразить своих потребностей словами, и ей самой придется их угадывать. Одной.

Так, нужно дышать. Вдох за вдохом. Она сама этого хотела. Любовь между матерью и ребенком абсолютна. Заложена самой природой. В такой любви, в отличие от романтической, не бывает ошибок. Этот ребенок заполнит ту пустоту, что не сумеет закрыть собой ни один мужчина. И она больше никогда не будет одинока.

К тому же малыш сумеет упрочить ее связи с коллегами, которые так высоко ставят материнство. Как минимум с Алекс и Кэсс. У Тринити же всегда был свой взгляд на вещи, но в одном они точно сходились, а именно: о той роли, что мужчина должен играть в их жизни. А точнее, об ее отсутствии.

Она крепко сжала Данте руку:

– Мне страшно.

– Что? Почему? – Явно озадаченный, он аккуратно заправил ей прядку за ухо. – Ты самая сильная женщина из всех, что мне доводилось встречать. Ты обязательно со всем справишься.

– Есть кое-что еще. У «Фирры» проблемы.

– В чем дело? Рассказывай, вместе мы обязательно что-нибудь придумаем.

Ей сразу стало легче. Не зря она все-таки сюда прилетела. Да и вообще, может, достаточно просто высказаться, и тогда в голове созреет какой-нибудь план? И тогда вся эта беременность не будет казаться такой... несвоевременной.

– Управление не готово одобрить нашу «формулу 47», – выдохнула она, чувствуя, как жжет глаза. Но что это с ней? Она же никогда не плакала. Или теперь так будет все время?

– Мне нужны подробности! – мгновенно потребовал Данте.

«Формула 47» стала ее первым ребенком, заботливо возвращенным в лаборатории и призванным избавиться от шрамов и морщин с помощью нано-технологий, работающих лучше любой пластической хирургии. Проект был гениален, но мог так никогда и не увидеть свет.

Нет, она обязательно что-нибудь придумает.

Харпер глубоко вдохнула:

– Филипп, сенатор Эджвуд, помнишь, как я рассказывала о его помощи с Управлением в Вашингтоне?

– Конечно, помню, это же твой первый проект, требующий федерального одобрения.

– Комитет приостановил рассмотрение моей заявки.

Сложно было представить худшего времени для подобной новости. Тем более что предполагалось, что процедура будет быстрой и простой. Заполнить заявку на одобрение формулы, на которую она потратила два года, провести краткую экскурсию по лаборатории, пояснить методологию, отправить образцы... Вот и все.

Разрешение уже должно было бы лежать у нее в кармане.

Но с самого начала все пошло наперекосяк.

– Но почему?

– У них есть вопросы к образцам. И к самой лаборатории.

Данте тихо выругался, и Харпер невольно улыбнулась.

– Твои методы вне подозрений. Как они вообще посмели усомниться в деятельности твоей лаборатории?

Как же приятно наконец-то ощущать безоговорочную поддержку, за которой она сюда и приехала! В конце концов, никто из партнеров так до конца и не понял, что значили для нее эти подозрения ни в профессиональном, ни тем более в личном плане.

А Данте сразу уловил ее состояние.

– Это еще не все. Мне кажется, вопросы возникли потому, что кто-то намеренно испортил образцы.

И это хуже всего. Похоже, в ее лаборатории, в ее доме и убежище завелся предатель. И пока она с этим не разберется, просто не сможет наслаждаться предстоящими девятью месяцами беременности.

Глава 3

Данте легонько погладил все еще дрожащую Харпер по голове. В конце концов, ей же не обязательно знать, что, поглаживая шелковистые волосы, он и сам успокаивается.

– Саботаж. Это плохо. Кого-то подозреваешь?

– Нет.

Она покачала головой, и он непроизвольно прикоснулся большим пальцем к ее виску, внезапно ощутив необычайную интимность момента. И это сейчас, когда она переживает глубочайший кризис. Но что поделаешь, если первый пункт его программы соблазнения включал в себя успокоительные поглаживания и объятия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.